
А. Г. АВДЕЕВ

ЭПИТАФИЯ КАК ОБЪЕКТ ЧТЕНИЯ В МОСКОВСКОЙ РУСИ*

Старорусские лапидарные надписи обслуживали три сферы — государственную (официальную), религиозную и частную, и надпись выполняла несколько функций, которые определялись ее местоположением и типом.

Информативную функцию несет само назначение надписи как общедоступного документа, фиксирующего определенную информацию о свершившемся факте. *Мемориальная функция* закрепляет память о факте, лице или событии вне зависимости от его значимости. *Прокламативные* (или *репрезентационные*) *функции* более характерны для официальных надписей, поскольку в них проявлялась совокупность способов отражения информации, направленной на установление того или иного вида взаимоотношений власти и подданных, а также фиксация важнейших элементов государственной идеологии. *Учительные* (*назидательные*) *функции* для лапидарных надписей менее выражены, чем на современных им подписях к фрескам и иконам. Надписи, содержащие богослужебные и молитвенные тексты, имеют также и *вокативную функцию*¹. *Надписи выполняют и декоративные функции*, являясь частью внешнего или внутреннего убранства здания.

При многообразии и нерасчлененности функций старорусских монументальных надписей первичным признаком типологизации выступает их *формульность*, которая складывается из соотношения определенных информативных единиц. Последние составляют формуляр, который организует структуру текста и его смысловые поля,

* Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда Развития Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA. См.: Свод русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum / научный руководитель проекта А. Г. Авдеев, технический руководитель проекта Ю. М. Свойский. URL: <http://cir.rssda.su>.

¹ *Рождественская Т. В.* Древнерусская эпиграфика X–XIII вв.: текст и норма // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17.1. С. 157.

отражающие тип эпиграфического памятника. Формуляры старорусских надписей унифицированы и аналогичны формулярам современных им актовых документов: и те и другие сообщают о совершенном действии, его субъекте и дате. В надписях это позволяет выделить основные и дополнительные информативные единицы, что важно при выявлении структуры их формуляров². По отношению к последнему материал носителя и способы нанесения текста вторичны: надписи одного типа могут быть выполнены краской на стене, составлены из изразцовых плит или накладных букв на металлических листах, вырезаны на белокаменной плите или деревянной доске и т. п.

Эпитафии — самый формализованный тип лапидарных надписей последней трети XV–XVII вв.³ Они содержат «некрологическую» информацию, которая считалась ключевой в судьбе умершего и укладывалась в рамки существующего канона или идеальной модели, что свойственно средневековью.

Повсеместное — с 1492 г. — распространение подписных надгробий — яркое свидетельство высокого уровня грамотности в Московской Руси, который в XVII в. целенаправленно поддерживался государственной политикой по массовому изданию букварей и азбук, реализовывавшихся по доступным для населения ценам⁴.

Одной из главных функций эпитафий было указание на факт благой кончины, не препятствующей христианскому погребению и поминованию, что и определило их структуру, окончательно сложившуюся в первой четверти XVI в. Структурообразующими элементами «классической» старорусской эпитафии стал «некрологический» набор информативных единиц, которые несли необходимую информацию для закрепления памяти об умерших:

— указание на год, месяц и день смерти — «лета такого-то или в такое-то лето, месяца такого-то, такого-то дня»;

— указание на день памяти святого, на который пришла смерть, — «на память такого-то святого»;

— указание на факт благой кончины — «преставися»;

² Например: *Донской Г. Г.*: 1) Прокламативные функции надгробной надписи Василия Шуйского // Сборник студенческих научных работ / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. М., 2008. С. 108; 2) Прокламации в камне против Бориса Годунова // Вопросы эпиграфики / отв. ред. А. Г. Авдеев. М., 2011. Вып. V. С. 336.

³ *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 236.

⁴ С 1621 по 1707 г. общий тираж букварей и азбук, выпущенных Московским Печатным двором, составил 349 000 и 19 000 экземпляров соответственно. См.: *Рамазанова Д. Н., Шустова Ю. Э.* Кириллические буквари из собрания Научно-исследовательского отдела редких книг Российской государственной библиотеки: Описание изданий и экземпляров. М., 2018. С. 19. Примеч. 21.

— указание на христианскую принадлежность умершего — «раб Божий / раба Божия»;

— указание на сословную принадлежность или профессию;

— сведения о личности.

В зависимости от времени создания эпитафии данные единицы могут «наращиваться» за счет присоединения к датирующей формуле указаний на сословную принадлежность или профессию умершего, реже — на час и обстоятельства смерти. Информативные единицы, выходящие за рамки этого формуляра, Л. А. Беляев назвал расширениями⁵. Их разнообразие зависит от перестановок и наращивания основных информативных единиц, а также от замен одних компонентов другими, близкими по значению и стилю⁶.

Для человека читающего — родственников покойного или зашедшего на кладбище путника — данная информация была достаточной, так как основной функцией эпитафий была мемориальная, имеющая целью сохранение памяти об умершем. Так, «Повесть о Псково-Печерском монастыре» сообщает, что надписи на надгробных плитах делались «памяти ради родом грядущим»⁷. Однако, в отличие от человека современности, для которого эпитафия прежде всего — источник информации об умершем, человек Московской Руси воспринимал надгробный текст в иных смысловых полях, порожденных мировоззрением и повседневной жизнью эпохи.

Подписное надгробие на грунтовом некрополе маркировало место захоронения, тогда как формулы на надгробных плитах-вставках, распространявшихся с начала XVII в., информировали о месте могилы внутри храма или на грунтовом некрополе. Они вписаны в архитектуру храма, но, так как связь с захоронением у них отсутствовала, эпитафия либо несла дополнительные формулы типа «⁶ і погребен^а в се^а ⁷ лѣвѣ да по лѣвомъ ѣвѣ странѣ погребена прѣ^а не^а ѣвѣ съпрѣга^а»⁸, либо отмечала расстояние от места её установки до могилы: «⁴ а погреб^а вше^а в трапе^а направа полѣ пѣваго о^а на о^а ⁶ вхѣда і снѣ пѣмо проти^а главы грѣба ѣл^а»⁹.

⁵ Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие ... С. 255–256.

⁶ Ср.: Рифтин Б. Л. Проблемы стиля китайского книжного эпоса // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности / отв. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1976. С. 164–165.

⁷ Повесть о Псково-Печерском монастыре // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Вып. 13 : XVI век. С. 528.

⁸ СР0004 (Москва. Храм Спаса Нерукотворного образа Заиконоспасского монастыря). Изд.: [Саитов В. Н., Модзалевский В. Ю.] Московский некрополь. СПб., 1908. Т. III. С. 239, гражданским шрифтом.

⁹ Москва. Церковь Троицы в Хохлах. Белокаменная плита-вставка с эпитафией Е. И. Шишкиной в нише на южной стене трапезной внутри храма (1698 г.). Изд.: Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 1. С. 412 (гражданским шрифтом). Транскрипция моя. — А. А.

Н. И. Новиков сохранил предание о нетривиальном случае вторичного использования надгробий, «слышанное <...> отъ многихъ достовѣрныхъ людей, а паче отъ <...> князя Василья Ивановича Мещерскаго, <...> который уверяль, <...> что онъ сіе извѣстіе почерпнулъ изъ домовыхъ записокъ, находящихся у него». Когда А. С. Матвеев решил перестроить свои палаты «въ приходѣ церкви Николая Чудотворца на Столпахъ» (совр. Армянский пер., д. 7 и 9), в Москве «не было въ привозѣ камня для фундамента». Тогда прихожане храма, стрельцы и посадские люди, из уважения к боярину решили одарить его строительным материалом «подъ цѣлой домъ». «Но въ какое пришелъ онъ удивленіе, — пишет Н. И. Новиков, — когда на другой день увидѣлъ полонъ дворъ навезенныхъ каменьевъ съ могиль». «Привезенные каменья, — сказали дарители, — взяты нами со гробовъ отецъ и дѣдовъ нашихъ, и для того-то мы ихъ ни за какія деньги продать не могли, а даримъ тебѣ, нашему благодѣтелю». О неслыханном даре А. С. Матвеев доложил Алексею Михайловичу, на что царь будто бы ответил: «Сей подарокъ отъ народа, знатно, что они тебя любятъ, что гробы родительскіе обнажили <...> такой подарокъ и я бы охотно принялъ отъ народа»¹⁰. Вряд ли это предание, несущее печать просвещеннаго XVIII в., соответствует истине. Год строительства палат неизвестен, но в 1635/6 г. на приходском кладбище площадью чуть более 57 м² было «тѣсно». Во время эпидемии сибирской язвы 1654 г. оно и прилегающие к нему территории было переполнено захоронениями жертв поветрия, а в 1657 г. «по государеву указу» — было «огорожено заборами наглухо»¹¹, так что вынос оттуда надгробных плит вряд ли был возможен¹². Важен факт восприятия подписных надгробий *свидѣтельством родовой памяти* о предках.

Л. А. Беляев указал на тесную взаимосвязь эпитафий на старорусских надгробиях с поминальным богослужением, требовавшим «не только различать одно погребение от другого, — но и как можно дольше сохранять память о точном наименовании покойного, празднике, приходившемся на день его смерти, и близкую по смыслу информацию»¹³,

¹⁰ *Таврион Молостов* [Новиков Н. И.] К читателю // История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева, состоящая из челобитных, написанных им царю и патриарху, также из писем к разным особам, с приобщением о причинах его заточения и о возвращении из оногo. СПб., 1776. Б. п. Благодарю А. В. Лаврентьева, указавшего мне на этот источник.

¹¹ *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Ч. 2. Стб. 121–122.

¹² Ср.: *Щепотьев Л.* Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII века (Опыт исторической монографии). СПб., 1906. С. 147–148, где это предание рассматривается как действительный факт.

¹³ *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие ... С. 261.

однако исследователь не стал подробно развивать эту мысль. Между тем подписные надгробия играли роль «опознавательных» знаков при совершении индивидуальных поминаний¹⁴. Порядок поминовения в первую очередь отражался в кормовых книгах, где фиксировались размеры поминальных кормов на год в календарном порядке, давались богослужебные указания, а также ссылки на расположение могил поминаемых — нередко с указанием на «подписи» на надгробиях и степень их сохранности. Связь надгробий с церковным поминовением отражают кормовые книги Иосифо-Волоколамского и Кирилло-Белозерского монастырей, где сделаны выписи из вкладных книг с именами вкладчиков, которые «лежат в монастырь. и на ихъ памяти ходятъ с клятвѣю. і понахиды пойтъ на ихъ грѣбѣхъ», с указаниями мест захоронения и наличия / или отсутствия намогильной плиты и эпитафии¹⁵. Эту же роль подписные надгробия играли и в дни особого поминовения умерших. Так, в Чине поминовения усопших в Дмитровскую субботу в Уставе Ново-Иерусалимского монастыря (записан архимандритом Никанором в 1689 г. в Синодике Воскресенского собора): «по трѣтѣмъ поемъ тропари, со дхн праведными, идѹчи на грѣбъ стѣбншаго нѣкона патрїарха: и тѣмо постава коливо на грѣбѣ глѣмъ ѣктенїю, поминѣа стѣбншаго патрїарха: и блговѣрнаго црл і великаго кнза мѣодора мѣзѣвича всеа росїи; тѣ и скончавъ кошѣю панихидѣ: тѣже взѣмъ коливо идѣмъ в дрѹгїи предѣлѣ архангѣловъ идѣже грѣбъ івѣнна корнїльева: творимъ ѣктенїю по івѣнна, дѣрїи и ихъ сродниковъ: тѣ и кончимъ: по сѣмъ взѣмше // коливо идѣмъ внѣ великїа цркви на мнѣрь, творимъ литїю, помѣе тропари со дхн правдыми: и прише над грѣбы прѣжде бывши архимандритовъ: аканїа, и мѣодѣїа: и творимъ ѣктенїю поминѣа за ѹпокой архимандритовъ тѣхъ: ѡпѣста тѣ не творимъ: тѣже идѣмъ по вѣлѣмъ вратскимъ могиламъ, кадѣ творимъ ѣктенїю ѡбще поминѣа за ѹпокой сїце: сїце молимъ о ѹпокоенїи рабовъ бжїихъ іеромонаховъ, іеродїаконовъ і всю вратїю овїтели сѣа и тѣднниковъ: и тѣ кончимъ литїю, поемъ и вѣчнѣю пѣмать кошѣю: потѣмъ идѣмъ по великѣю колоколню в црковъ вѣхъ стѣхъ: на грѣб прѣждебывшихъ архимандритовъ варсонофїа и германа: і тѣ творимъ ѣктенїю поминѣа за ѹпокой архи- мандритовъ тѣ лежѣщи такоже и прѣжнихъ, тоѹ ѡпѣста, і вѣчнаа пѣмать»¹⁶. Наконец,

¹⁴ Ср.: Steindorff L. Donations and Commemoration in the Muscovite Realm — a Medieval or Early Modern Phenomenon? // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte / hrsg. von Osteuropa-Institut der freien Universität von Holm Sundhausen und Gertrud Pickhan. Wiesbaden, 2010. Bd. 76. P. 482.

¹⁵ Сахаров И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения российско-славянской археологии Императорской Академии наук. СПб., 1851. Т. I. Отд. III. С. 76 ; Das Speisungsbuch von Volokolamsk: Eine Quelle zur Socialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert = Kormovaja kniga Iosifovokolamskogo monastyrja / hrsg. und übers. von L. Steindorff. Unter mittarb. von L. Koke, E. Kondraškina, U. Lange, N. Pohlmann. Köln ; Weimar ; Wien, 1998. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Rh. V. Edition. N. F. ; Bd. 12). S. 305.

¹⁶ ГИМ ОР. Воскресенское собрание. № 67-бум. Л. 1 об.—2.

чтение эпитафий можно сравнить с раздачей всем присутствующим на службе мужчинам синодиков для немого поминовения умерших¹⁷. Данные функции отражались и в эпитафиях. Так, надгробие конца XV—начала XVI в. из Ростовского Петровского монастыря было положено «² въ помѣнѣ вѣс[на(ь)е вѣй (ь)иане Ил(ь)инне]»¹⁸. Приведу один из наиболее ранних образцов «классического» диалога путника и надгробия на неизданной белокаменной надгробной плите 1561/62 г. из Волоколамска: «а^хто | чтеть · томъ на зѣвѣе и [н]а спѣнье». С душеполезностью чтения эпитафий связан уникальный случай превращения надгробной надписи в *назидательный текст*, что демонстрирует белокаменная плита 1638 г. из московской церкви Космы и Дамиана в Старых Садовниках. На ее торце в первой четверти XVIII в. была вырезана цитата из Псалтири¹⁹, возводящая ум к памяти смертной: «кто ѣсть члвкъ ѡже поживе^т і не ѡи^т смерти»²⁰ и, очевидно, настраивающая читателя на мысленный диалог, так он должен был воспроизвести в памяти окончание стиха — «и збавитъ душу свою ѡз рѣки адовы».

Подписные надгробные плиты были *знаком, закреплявшим право собственности вкладчика* на место погребения. Так, князь М. П. Пронский в духовной грамоте (сентябрь 1654 г.), высказал желание быть похороненным «под церковью Покрова Пресвятыя Богородицы строенья отца моего боярина князя Петра Ивановича, во иноцех инока Павла, подле ево гробу»²¹. В этом случае на надгробие наносились надписи, закреплявшие за вкладчиком место будущего захоронения. Наиболее ранним таким свидетельством является надгробная плита князя Ивана (?) Ростовского из Троице-Сергиева монастыря, датируемая началом или первой четвертью XVI в. В ее средней части рукой резчика-профессионала нанесена надпись «зането мѣ[с]то», а на боковой грани — граффито «[ив]ана андрѣеви(ча) ростовского»²². Обыденность такой практики

¹⁷ *Мурьянов М. Ф.* Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре // *Временник Пушкинской комиссии.* 1974. Л., 1977. С. 94.

¹⁸ *Авдеев, А. Г., Леонтьев А. Е.* Памятники эпиграфики из раскопок Петровского монастыря в Ростове Великом // *Вопросы эпиграфики / отв. ред. А. Г. Авдеев. М., 2015. Вып. VIII. С. 299–301.*

¹⁹ Пс. 88: 49.

²⁰ Изд.: *Беркович В. А., Егоров К. А.* Московское белокаменное надгробие : каталог. М., 2017. С. 496–498. № КДС-10.

²¹ *Лобачев С. В.* Изучение генеалогии боярской аристократии XVII века на материале духовных завещаний // *Русское прошлое.* СПб., 1998. Кн. 8. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Vojar_duch_gram/frameset.htm. Заглавие с экрана (дата обращения: 30.05.2017).

²² *Вишневский В. И.* Об одном типе надписей на надгробиях Троице-Сергиева монастыря // *Русское средневековое надгробие XII–XVII века : материалы к своду / сост. и отв. ред. Л. А. Беляев. М., 2006. Вып. 1. С. 284. № ТСл-7. Ил. 7.*

подтверждается духовными грамотами. Так, князь Ф. И. Хворостинин задолго до смерти (1656) завещал «положити грѣшное мое тѣло у Живоначальныя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ възлѣ отца моего князя Ивана Михайловича во иноцѣхъ Іосіа, а на мѣстѣ и цка положена, а на ней подписано: “мѣсто князя Ѳедора Ивановича Хворостинина”»²³. В духовной князя В. Т. Долгорукова (1613) сообщается: «тѣло мое грѣшное положить в Чюдовѣ монастырѣ у родителей моих подлѣ батюшка моего, а мѣсто зането, на томъ мѣстѣ лежитъ цка»²⁴. Боярин Ф. И. Шереметев «забронировал» место первоначального погребения своего сына в кремлевском Афанасьевском монастыре: «займовать и класть на томъ мѣстѣ никоу не велѣть же. А Богъ повелитъ, тутъ погребенной женѣ моей Марье у сына своево и у моево у Мокѣя въ ногахъ. А цку на томъ мѣстѣ язъ положу, гдѣ лежалъ сынъ Олексѣй»²⁵.

Функции подписных надгробий выходили за пределы мемориальной и богослужебной сфер. Нередко подписные плиты рассматривались как *юридические документы*, чему способствовала природа эпиграфического памятника, слабо подверженного разрушению. Начало этой традиции, очевидно, положил дьяк Стефан Бородатый, в 1458 г. поместивший на белокаменном кресте текст данной грамоты²⁶. Более поздние акты свидетельствуют, что во время земельных тяжб надгробные памятники имели функции юридических свидетельств: в одних случаях их осматривала специальная комиссия, в других — землевладельцы сами сообщали о наличии таковых в Поместный приказ. В 1645 г. между князем Ф. Ю. Хворостининым и служилым человеком И. П. Писемским возник спор о выморочных вотчинах Я. Г. Писемского в Костромском и Переславском уездах. Когда у князя возникло подозрение, будто ответчик «вклепываетца в чужой род», в Поместном приказе провели дознание, «родители ево прадед и дед и отец в котором монастыре лежат». Предъявленные подписные надгробия на родовом участке в Троице-Сергиевом монастыре наряду с родословными росписями стали важным аргументом в подтверждении законности прав ответчика на вотчины²⁷.

²³ Духовное завещание князя Ф. И. Хворостинина (1603 г.) // Русский архив. 1896. № 1. С. 571.

²⁴ *Холмогоров В. И.* Духовная князя Владимира Тимофеевича Долгорукова // Известия Императорского Российского генеалогического общества. СПб., 1903. Вып. 2. Отд. II. С. 17.

²⁵ *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. СПб., 1883. Кн. 3. С. 156.

²⁶ Подробнее см.: *Авдеев А. Г.* О надписи на кресте Стефана Бородатого // Прикосновение к вечности : сб. статей / науч. ред. Г. Е. Захаров, свящ. А. Постернак. М., 2017. С. 162–169.

²⁷ Акты служилых землевладельцев. М., 1997. Т. I. С. 320–321. № 318.

В 1698 г. шел спор о владельческих правах на село Юркино между Иваном Голохвастовым (который выступал в роли истца), Ново-Иерусалимским монастырем и Ф. Л. Бутурлиным, бывших ответчиками²⁸. Тяжущиеся стороны настаивали на подложности важнейших актов, но истец в качестве неопровержимого доказательства своих прав привел факт существования подписных надгробий на родовом некрополе у церкви Рождества Христова в Юркине: «А тоѣ де церковь на той земле строил праждѣ ево Яков Голохвастов, і по обѣщанию в той церкви онѣ лежит, такъ же и многие ближние родственники ево і младенцы у той церкви лежат і цки каменные на нихъ положены, і на цках имена родственников его подписаны за многие годы, а не Бутурлиныхъ»²⁹. Основываясь на особенностях архитектуры церкви Рождества и данных письменных источников, В. В. Кавельмахер выдвинул предположение, что она была построена до 1504 г.³⁰ Следовательно, предъявленные И. Голохвастовым «юридические доказательства» могли содержать и списки эпитафий конца XV – начала XVI в.

Намогильные памятники играли роль *официальных генеалогических свидетельств*, имеющих доказательную силу при восстановлении родословных. Один из таких примеров дает надгробная плита князя Ф. Ю. Фоминского († 1347), найденная в селе Новом Полеве (Даниловский уезд Ярославской губ.) и по формальным признакам датируемая XVII в. В. В. Кавельмахер³¹ истолковал данный случай как попытку создать генеалогическую легенду, которая связала бы владельцев села, боярский род Полевых, ветвь Смоленских князей, утративших родословную, с князьями Фоминскими.

К второстепенным функциям подписных надгробий следует отнести *назидательную* и *прокламативную*. В качестве первого примера можно привести намогильную плиту Ивана (Головы) Соловцова с эпитафией-публичной исповедью³². Местоположение надгробия (оговоренное в духовной его «владельца») в нижегородском Спасо-Преображенском соборе было выбрано так, чтобы текст могли читать

²⁸ Изд.: Акты, относящиеся до рода Голохвастовых, собранные Д. П. Голохвастовым. М., 1846. С. 79–96. № XVI.

²⁹ Белокуров С. А. Акты архива Голохвастовых // ЧОИДР. 1907. Кн. 4. Отд. IV. С. 15. См. также: Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие ... С. 250. Примеч. * (с некорректной ссылкой на публикацию Д. П. Голохвастова).

³⁰ Кавельмахер В. В. К вопросу о времени и обстоятельствах постройки церкви Рождества Христова в Юркине // ПКНО. 1994. М., 1996. С. 421–436.

³¹ Кавельмахер В. В. Фрагмент памятной плиты первой половины XVII в. из Иосифо-Волоколамского монастыря // ПКНО. 1988. М., 1989. С. 480–484.

³² Авдеев А. Г., Донской Г. Г. «Неистовый блудник» Иван (Голова) Соловцов // Palaeoslavica. 2014. Vol. XXII, № 2. С. 119–146.

посетители храма и извлечь из жизненного опыта покойного назидание. Прокламативные функции видны в эпитафиях на надгробиях Александра, Василия и Михаила Никитичей Романовых, чьи останки были перенесены из сибирской ссылки в Новоспасский монастырь. Введенная в эпитафии дополнительная информация сообщала, что ссыльные преставились «в заточении от царя Бориса», превращая плиты в свидетелей преступлений последнего³³. Стихотворная эпитафия Симеону Полоцкому стала апологией ученого старца в контексте полемики между «грекофилами» и «латинствующими»³⁴.

С конца XVI в. содержание эпитафий постепенно гуманизируется: появляются индивидуальные тексты, дающие представление о вкусах их составителей. С усилением элементов светской культуры эпитафии стали более информативны. Интерес к человеку и его земной жизни делает значимыми факты его биографии — когда он родился, когда и при каких обстоятельствах умер, какое общественное положение занимал, с кем состоял в браке и т. п. Говоря точнее, расширение смысловых полей эпитафий совпало с важнейшим открытием русской книжности XVII в. — ценности человека³⁵. Все это связано с модификацией традиционных представлений о земной жизни как подготовке к жизни вечной и потому считавших дату рождения человека незначительной частностью его биографии, а возраст — как понятие, определяющее духовное состояние человека: старцем мог быть и юноша, достигший вершин иноческого подвига³⁶.

Новые информативные единицы, появившиеся в эпитафиях, можно разделить на два типа — «биографический» и «фактографический», которые, соединившись, дали начало барочным эпитафиям. Одной из примет эпитафий «биографического» типа является упоминания в них со второй половины 40-х гг. XVII в. дня тезоименитства, что диктовалось не только потребностями поминальной практики, но было связано с повышением интереса к человеческой личности.

³³ Авдеев А. Г. К истории Новоспасского некрополя в XVII – начале XVIII в. // Станюкович А. К., Звягин В. Н., Черношвитов П. Ю., Ёлкина И. И., Авдеев А. Г. Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 288; подробнее см.: Донской Г. Г. Прокламации в камне ... С. 339–348; также: Знаменский храм Ново-Спасского монастыря как мемориал бояр Романовых и сродников их, пострадавших в правление царя Бориса Годунова. М., 2016.

³⁴ Авдеев А. Г. Эпитафия Симеону Полоцкому в контексте полемики «грекофилов» и «латинствующих» // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2015. № 1 (2) : Византия и Русь. С. 108–143.

³⁵ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы. Л., 1987. Т. 3. С. 150–151.

³⁶ Ср.: Плугин В. А. Мироззрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974. С. 11–12.

Например, на надгробии И. А. Милославского (7171/1663 г.) из Благовещенского монастыря в Киржаче указаны день смерти — «марта в 5 день на память свягата мученика Акакия в 2 неделю Великаго поста» — и день тезоименитства — «а память по нем бывает сентября в 7 день на память иже во святых отца нашего Иоанна архиепископа, Новгородскаго чудотворца»³⁷. Тезоименитство, связанное с таинством крещения, а следовательно, с духовным рождением человека и вхождением его в лоно Церкви, в конце столетия стало столь значимым, что в эпитафиях Каргополя оно именуется днем рождения³⁸.

Примером эпитафии с элементами «биографического» типа является уже упоминавшаяся плита-вставка над могилой С. И. Угрюмова в московском Заиконоспасском монастыре³⁹. Наряду с основными информативными единицами, характерными для «некрологического» стиля, — датой, месяцем и днем кончины — основной ее объем занимают «анкетные» данные покойного: его статус, число прожитых лет и дней, а также день тезоименитства. Упоминание последнего становится чертой барочной культуры, где текст был визуальной и «логической» загадкой, которую можно разгадать при внимательном чтении. Поэтому дата рождения покойного «зашифрована» внутри эпитафии и вычисляется по числу прожитых лет, месяцев и дней. «Подсказку» давал день тезоименитства.

Текст эпитафии «фактографического» типа, сообщающий о месте и обстоятельствах смерти, часто превращался в развернутое повествование, где под обилием подробностей терялась некрологическая составляющая. Одним из лучших образцов такой эпитафии является утраченная надпись на надгробии М. В. Апраксина из Златоустовского монастыря в Москве⁴⁰:

«Лѣта 7175 по указу Великаго Государя Царя был в Астрахани Матвѣй Васильевичъ Опраксинъ, и во 176^м году, какъ ѣхаль изъ Астрахани и убиень на стѣпи межъ Саратова и Пензы переѣхавъ рѣку Медвѣдицу, отъ Калмыковъ и отъ Башкирцовъ изъ сѣченъ многими ранами и изъ стрѣлень ноября в 6^м числѣ на память иже во святыхъ отца нашего Павла Исповѣдника и с нимъ побито до смерти Государевыхъ и ево дому людей 40 человекъ. И тѣло ево на стѣпи сыскано и погребено на семь мѣстѣ, а тезоименитство его августа в 9^и день».

³⁷ Загорский М. В. Разбор и описания дел Переславского духовного правления // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1902. Кн. IV. Материалы. С. 41–42. № 11 (отд. паг.).

³⁸ Авдеев А. Г. Календарь старорусских надписей // Ползуновский альманах. 2017. № 4. Т. 1, вып. 1. С. 185. Ил. 4.

³⁹ С1R0004.

⁴⁰ Надгробие утрачено после сноса монастыря в 1933 г. Изд.: Григорий А. Историческое описание Московского Златоустовского монастыря. М., 1914. С. 20–21. № VI.

Можно видеть, что информативные единицы, характерные для «классических» эпитафий XVI – первой половины XVII в., здесь четко не выделены. От «некрологического» стиля эпитафия сохранила имя и день смерти с указанием на пришедшуюся на него память святого, тогда как год кончины ясно не выражен из-за обилия новых информативных единиц, а фраза «преставился раб Божий» отсутствует. Основной объем эпитафии занимает рассказ об обстоятельствах и месте гибели М. В. Апраксина и сопровождавших его людей, а также о поисках его тела и погребении. Повествование, что необычно для более ранних эпитафических памятников, начинается с летописного зачина «Лѣта 7175», который сообщает не о факте смерти, а о событии, ей предшествующем, — месте и обстоятельствах гибели «героя».

Смешение типов ярко проявилось в стихотворных эпитафиях, бывших явлением принципиально новым: создателем этого жанра в древнерусской книжности был Симеон Полоцкий, а его дальнейшее развитие обеспечили его ученики — Сильвестр Медеведов и Карион Истомина наряду с малороссийскими монахами Епифанием Славинецким и Евфимием Чудовским. Генетическая связь стихотворных эпитафий с надгробными надписями конца XV – третьей четверти XVII в. выражается во включении характерных для последних информативных единиц, но они не определяют структуру текста. Стихотворная эпитафия не подпадает ни под один жанр древнерусской книжности, а тем более не встраивается в систему иерархии жанров поэзии эпохи барокко⁴¹. Она включена в систему православных ценностей — и в то же время является произведением светским. Она напоминает похвальное слово святому, так как содержит похвалу умершему, но герой эпитафии — человек обычный. Эпитафия включает факты реальной биографии — но, подобно житию, только те, что могут стать предметом назидания. Эпитафия связана с этикетом, так как предписывает правила поведения у могилы. Наконец, эпитафия имеет параллели с богослужением, так как ее обязательным элементом является призыв к молитве за умершего.

Стихотворная эпитафия эпохи московского барокко придала иное качество чтению эпитафий. Одной из ее характерных черт стала заданность на диалог с читателем, включавшая элементы игры с личным именем умершего, которая требовала вдумчивого взглядывания в текст. Имя — не только показатель «самости» человека, но и вещь, символ и носитель тайного смысла, состоящий из букв образ, который можно выразить иными буквами и иным словом, тем самым гармони-

⁴¹ Об иерархии жанров поэзии в эпоху барокко см.: *Петров Н. И.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской Академии от начала ея до преобразования в 1819 г. // Труды Киевской Духовной Академии. 1867. № 1. С. 83–84.

зируя микрокосм отдельного человека с окружающим его макрокосмом. Игра позволяла открыть скрытые смыслы личного имени, сделать их загадкой, имеющей логическое решение при углубленном восприятии текста, несущем определенные подсказки для читателя. К наиболее распространенным формам игры с личными именами в старорусских эпиграфических памятниках относились: «спрятанное» имя (акростих), этимологизация личного имени и агиотип имени⁴².

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются функции эпитафий конца XV–XVII вв., которые являются одним из массовых исторических источников, свидетельствующих о высоком уровне грамотности населения в это время. Как объект чтения эпитафии в эпоху Московской Руси выполняли ряд функций, связанных с мемориальной культурой и поминовением умерших. Наряду с этим эпитафии были свидетельством родовой памяти о предках, предметом назидания, юридическим документом, генеалогическим свидетельством и знаком, закреплявшим право собственности на место погребения.

SUMMARY

In the paper functions of epitaphs of the end of the 15th – 17th century which are one of the mass historical sources testifying to the high level of literacy of the population at this time are considered. As the object of reading an epitaph during an era of the Moscow Russia was carried out by a number of the functions connected with memorial culture and a commemoration of the dead. Along with it epitaphs were the testimony of patrimonial memory of ancestors, the edification subject, the legal document, the genealogical certificate and a sign affirming the property right to a burial place.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Эпиграфика Московской Руси, мемориальная культура Московской Руси, поминальная культура Московской Руси, культура московского барокко, эпитафии, стихотворные эпитафии, функциональное назначение эпитафий, читатели эпитафий.

KEY WORDS

Epigraphy of the Moscow Russia, memorial culture of the Moscow Russia, culture of the Moscow baroque, epitaph, poetic epitaphs, functional purpose of epitaphs.

⁴² Подробнее см.: *Авдеев А. Г.* «Игры» с личными именами в памятниках русской эпиграфики второй половины XVII – начала третьей четверти XVIII в. // *Русский мир в пространственно-временном контексте* : Сб. материалов всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ч. 1 : *Культура Русского мира: переходный период* / науч. ред. и сост. С. К. Севастьянова, Г. М. Зеленская. Барнаул, 2015. С. 172–198.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авдеев А. Г. «Игры» с личными именами в памятниках русской эпитафии второй половины XVII – начала третьей четверти XVIII в. // Русский мир в пространственно-временном контексте : Сб. материалов всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ч. 1 : Культура Русского мира: переходный период / науч. ред. и сост. С. К. Севастьянова, Г. М. Зеленская. Барнаул : изд-во Алтайского гос. техн. ун-та, 2015. С. 172–198.

Авдеев А. Г. К истории Новоспасского некрополя в XVII – начале XVIII в. // *Станюкович А. К., Звягин В. Н., Черносвитов П. Ю., Ёлкина И. И., Авдеев А. Г.* Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 286–292.

Авдеев А. Г. Календарь старорусских надписей // Ползуновский альманах. 2017. № 4. Т. 1, вып. 1. С. 177–189.

Авдеев А. Г. Эпитафия Симеону Полоцкому в контексте полемики «грекофилов» и «латинствующих» // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2015. № 1 (2) : Византия и Русь. С. 108–143.

Авдеев А. Г., Донской Г. Г. «Неистовый блудник» Иван (Голова) Соловцов // *Palaeoslavica*. 2014. Vol. XXII, № 2. С. 119–146.

Авдеев, А. Г., Леонтьев А. Е. Памятники эпитафии из раскопок Петровского монастыря в Ростове Великом // Вопросы эпитафии / отв. ред. А. Г. Авдеев. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2015. Вып. VIII. С. 285–306.

Акты, относящиеся до рода Голохвастовых, собранные Д. П. Голохвастовым. М. : Универ. тип., 1846. 146 с.

Акты служилых землевладельцев / сост. А. В. Антонов, К. В. Баранов. М. : Археографический центр, 1997. Т. I. 432 с.

Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1883. Кн. 3. 559 с.

Белокуров С. А. Акты архива Голохвастовых // ЧОИДР. 1907. Кн. 4. Отд. IV. С. 1–23.

Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие : Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М. : Модус Граффити, 1996. 563 с., ил.

Беркович В. А., Егоров К. А. Московское белокаменное надгробие : каталог. М. : ООО «ТМ Продакш», 2017. 765 с., ил.

Вишневецкий В. И. Об одном типе надписей на надгробиях Троице-Сергиева монастыря // Русское средневековое надгробие XII–XVII века : Материалы к своду / сост. и отв. ред. Л. А. Беляев. М. : Наука, 2006. Вып. 1. С. 280–285.

Григорий А. Историческое описание Московского Златоустовского монастыря. М. : типолитограф. И. Ефимова, 1914. 144 с.

Донской Г. Г. Прокламативные функции надгробной надписи Василия Шуйского // Сборник студенческих научных работ / Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. М. : изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2008. С. 105–110.

Донской Г. Г. Прокламации в камне против Бориса Годунова // Вопросы эпитафии / отв. ред. А. Г. Авдеев. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2011. Вып. V. С. 339–348.

Духовное завещание князя Ф. И. Хворостинина (1603 г.) // Русский архив. 1896. № 1. С. 571–575.

Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М. : Московская городская тип., 1891. Ч. 2. 1608 стб.

Загорский М. В. Разбор и описания дел Переславского духовного правления // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1902. Кн. IV. Материалы. С. 1–64 (отд. паг.).

Знаменский храм Ново-Спасского монастыря как мемориал бояр Романовых и родственников их, пострадавших в правление царя Бориса Годунова. М. : изд-во Новоспасского монастыря, 2016. 112 с., ил.

Кавельмахер В. В. К вопросу о времени и обстоятельствах постройки церкви Рождества Христова в Юркине // ПКНО. 1994. М. : Наука, 1996. С. 421–436.

Кавельмахер В. В. Фрагмент памятной плиты первой половины XVII в. из Иосифо-Волоколамского монастыря // ПКНО. 1988. М. : Наука, 1989. С. 480–484.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // *Лихачев Д. С.* Избранные работы. Л. : Художественная литература, 1987. Т. 3. С. 3–164.

Лобачев С. В. Изучение генеалогии боярской аристократии XVII века на материале духовных завещаний // Русское прошлое. СПб., 1998. Кн. 8. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Bojar_duch_gram/frametext.htm. Заглавие с экрана (дата обращения: 30.05.2017).

Мартынов А. А. Каменная летопись Москвы // Русский архив. 1895. Кн. 1. С. 279–284, 408–413, 549–554.

Мурьянов М. Ф. Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л. : Наука, 1977. С. 91–95.

Петров Н. И. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской Академии от начала ея до преобразования в 1819 г. // Труды Киевской Духовной Академии. 1867. № 1. С. 82–118.

Плугин В. А. Мировоззрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы). Древнерусская живопись как исторический источник. М. : Изд-во Московского ун-та, 1974. 161 с., 1 л. ил.

Повесть о Псково-Печерском монастыре // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13 : XVI век. СПб. : Наука, 2005. С. 476–533.

Рамазанова Д. Н., Шустова Ю. Э. Кириллические буквари из собрания Научно-исследовательского отдела редких книг Российской государственной библиотеки : Описание изданий и экземпляров. М. : Пашков дом, 2018. 340 с., ил.

Рифтин Б. Л. Проблемы стиля китайского книжного эпоса // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности / отв. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Наука, 1978. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). С. 162–189.

Рождественская Т. В. Древнерусская эпитафия X–XIII вв.: текст и норма // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17.1. С. 157–179.

[*Саитов В. И., Модзалевский Б. Л.*] Московский некрополь. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1907–1908. Т. I–III.

Сахаров И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения российско-славянской археологии Императорской Академии наук. СПб., 1851. Т. I. Отд. III. С. 46–105.

Свод русских надписей / *Corpus inscriptionum Rossicorum*. URL: <http://cir.rssda.su>.

Таврион Молостов [Новиков Н. И.] К читателю // История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева, состоящая из челобитных, написанных им царю и патриарху, также из писем к разным особам, с приобщением о причинах его заточения и о возвращении из оногo. СПб. : [тип. Академии наук], 1776. Б. п.

Холмогоров В. И. Духовная князя Владимира Тимофеевича Долгорукова // Известия Императорского Российского генеалогического общества. СПб., 1903. Вып. 2. Отд. II. С. 17–25.

Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII века (Опыт исторической монографии). СПб. : тип. М. И. Акинфиева, 1906. 149 с.

Das Speisungsbuch von Volokolamsk: Eine Quelle zur Socialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert = Kormovaja kniga Iosifo-Volokolamskogo monastyrja / hrsg. und übers. von L. Steindorff. Unter mittarb. von L. Koke, E. Kondraškina, U. Lange, N. Pohlmann. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1998. LX, 388 S. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Rh. B. Edition. N. F. ; Bd. 12).

Steindorff L. Donations and Commemoration in the Muscovite Realm — a Medieval or Early Modern Phenomenon? // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte / hrsg. von Osteuropa-Institut der freien Universität von Holm Sundhaussen und Gertrud Pickhan. Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2010. Bd. 76. P. 477–498.

REFERENCES

Akty, odnosyaschiesya do roda Golokhvastovykh, sobrannye D. P. Golokhvastovym. Moskva, 1846. 146 s.

Akty sluzhilykh zemlevladel'cev / sost. A. V. Antonov, K. V. Baranov. Moskva, 1997. T. I. 432 s.

Avdeev A. G. Epitafiya Simeonu Poloczkomu v kontekste polemiki «grekofilov» i «latinstvuyuschikh» // Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo. 2015. N 1 (2) : Vizantiya i Rus'. S. 108–143.

Avdeev A. G. «Igry» s lichnymi imenami v pamyatnikakh russkoj epigrafiki vtoroj poloviny XVII – nachala tret'ej chetverti XVIII v. // Russkij mir v prostranstvenno-vremennom kontekste : Sbornik materialov vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ch. 1 : Kul'tura Russkogo mira: perekhodnyj period / nauch. red. i sost. S. K. Sevast'yanova, G. M. Zelenskaya. Barnaul, 2015. S. 172–198.

Avdeev A. G. K istorii Novospasskogo nekropolya v XVII – nachale XVIII v. // *Stanyukovich A. K., Zvyagin V. N., Chernosvitov P. Yu., Elkina I. I., Avdeev A. G.* Usypal'nicza doma Romanovyh v Moskovskom Novospasskom monastyre. Kostroma, 2005. S. 286–292.

Avdeev A. G. Kalendar' starorusskikh nadpisej // Polzunovskij al'manakh. 2017. N 4. T. 1, vyp. 1. S. 177–189.

Avdeev A. G., Donskoj G. G. «Neistovyy bludnik» Ivan (Golova) Solovczov // Palaeoslavica. 2014. Vol. XXII, N 2. S. 119–146.

Avdeev A. G., Leont'ev A. E. Pamyatniki epigrafiki iz raskopok Petrovskogo monastyrya v Rostove Velikom // Voprosy epigrafiki / otv. red. A. G. Avdeev. Moskva, 2015. Vyp. VIII. S. 285–306.

Barsukov A. P. Rod Sheremetevykh. SPb., 1883. Kn. 3. 559 s.

Belokurov S. A. Akty arkhiva Golokhvastovykh // Chteniya v Imperatorskom obschestve istorii i drevnostej Rossijskikh. 1907. Kn. 4. Otd. IV. S. 1–23.

Belyaev L. A. Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoj Rusi XIII–XVII vv. Moskva, 1996. 563 s., ill.

Berkovich V. A., Egorov K. A. Moskovskoe belokamennoe nadgrobie : katalog. Moskva, 2017. 765 s., ill.

Corpus inscriptionum Rossicarum. URL: <http://cir.rssda.su>.

Das Speisungsbuch von Volokolamsk: Eine Quelle zur Socialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert = Kormovaja kniga Iosifo-Volokolamskogo monastyrya / hrsg. und übers. von L. Steindorff. Unter mittarb. von L. Koke, E. Kondraškina, U. Lange, N. Pohlmann. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1998. LX, 388 S. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Rh. B. Edition. N. F. ; Bd. 12).

Donskoj G. G. Proklamacii v kamne protiv Borisa Godunova // Voprosy epigrafiki / otv. red. A. G. Avdeev. Moskva, 2011. Vyp. V. S. 339–348.

Donskoj G. G. Proklamativnye funkicii nadgrobnoi nadpisi Vasiliya Shuiskogo // Sbornik studencheskikh nauchnykh rabot / Pravoslavnyj Svyato-Tikhonovskij gumanitarnyj universitet. Moskva, 2008. S. 105–110.

Duhovnoe zaveschanie knyazya F. I. Khvorostinina (1603 g.) // Russkij arkhiv. 1896. N 1. S. 571–575.

Grigorij A. Istoricheskoe opisanie Moskovskogo Zlatoustovskogo monastyrya. Moskva, 1914. 144 s.

Kavel'makher V. V. Fragment pamyatnoj plity pervoj poloviny XVII v. iz Iosifo-Volokolamskogo monastyrya // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya : Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya : ezhegodnik. 1988. Moskva, 1989. S. 480–484.

Kavel'makher V. V. K voprosu o vremeni i obstoyatel'stvakh postrojki cerkvi Rozhdestva Khristova v Yurkine // Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya : Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya : ezhegodnik. 1994. Moskva, 1996. S. 421–436.

Kholmogorov V. I. Dukhovnaya knyazya Vladimira Timofeevicha Dolgorukova // Izvestiya Imperatorskogo Rossijskogo genealogicheskogo obschestva. SPb., 1903. Vyp. 2. Otd. II. S. 17–25.

Likhachev D. S. Chelovek v literature Drevnej Rusi // *Likhachev D. S.* Izbrannye raboty. Leningrad, 1987. T. 3. S. 3–164.

Lobachev S. V. Izuchenie genealogii boyarskoj aristokratii XVII veka na materiale dukhovnykh zaveschanij // Russkoe proshloe. SPb., 1998. Kn. 8. URL:

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Bojar_duch_gram/frametext.htm.

Martynov A. A. Kamennaya letopis' Moskvy // Russkij arkhiv. 1895. Kn. 1. S. 279–284, 408–413, 549–554.

Mur'yanov M. F. Nadgrobiya Pushkinykh v Pskovo-Pecherskom monastyre // Vremennik Pushkinskoj komissii. 1974. Leningrad, 1977. S. 91–95.

Petrov N. I. O slovesnykh naukakh i literaturnykh zanyatiyakh v Kievskoj Akademii ot nachala eya do preobrazovaniya v 1819 g. // Trudy Kievskoj Dухovnoj Akademii. 1867. N 1. S. 82–118.

Plugin V. A. Mirovozzrenie Andreya Rubleva (Nekotorye problemy). Drevnerusskaya zhivopis' kak istoricheskij istochnik. Moskva, 1974. 161 s., 1 l. ill.

Povest' o Pskovo-Pecherskom monastyre // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 13 : XVI vek. SPb., 2005. S. 476–533.

Ramazanova D. N., Shustova Yu. E. Kirillicheskie bukvari iz sobraniya Nauchno-issledovatel'skogo otdela redkikh knig Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki : Opisanie izdanij i ekzempljarov. Moskva, 2018. 340 s., ill.

Riftin B. L. Problemy stilya kitajskogo knizhnogo eposa // Pamyatniki knizhnogo eposa. Stil' i tipologicheskie osobennosti / otv. red. E. M. Meletinskij. Moskva, 1978. (Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka). S. 162–189.

Rozhdestvenskaya T. V. Drevnerusskaya epigrafika X–XIII vv.: tekst i norma // Russian Linguistics. 1993. Vol. 17.1. S. 157–179.

[*Saitov V. I., Modzalevskij B. L.*] Moskovskij nekropol'. SPb., 1907–1908. T. I–III.

Sakharov I. P. Kormovaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya // Zapiski Otdeleniya rossijsko-slavyanskoj arkheologii Imperatorskoj Akademii nauk. 1851. T. I. Otd. III. S. 46–105.

Steindorff L. Donations and Commemoration in the Muscovite Realm — a Medieval or Early Modern Phenomenon? // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte / hrsg. von Osteuropa-Institut der freien Universität von Holm Sundhausen und Gertrud Pickhan. Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2010. Bd. 76. P. 477–498.

Tavriion Molostov [Novikov N. I.] K chitatelyu // Istoriya o nevinnom zatochenii blizhnego boyarina Artemona Sergeevicha Matveeva, sostoyaschaya iz chelobitnykh, napisannykh im czaryu i patriarkhu, takozhe iz pisem k raznym osobam, s priobscheniem o prichinakh ego zatocheniya i o vozvrashchenii iz onogo. SPb., 1776. B. p.

Vishnevskij V. I. Ob odnom tipe nadpisej na nadgrobiyakh Troice-Sergieva monastyrya // Russkoe srednevekovoe nadgrobie XIII–XVII veka : Materialy k svodu / sost. i otv. red. L. A. Belyaev. Moskva, 2006. Vyp. 1. S. 280–285.

Zabelin I. E. Materialy dlya istorii, arkheologii i statistiki goroda Moskvy. Moskva, 1891. Ch. 2. 1608 stb.

Zagorskij M. V. Razbor i opisaniya del Pereslavskogo dukhovnogo pravleniya // Trudy Vladimirskoj uchenoj arkhivnoj komissii. Vladimir, 1902. Kn. IV. Materialy. S. 1–64 (otd. pag.).

Znamenskij khram Novo-Spasskogo monastyrya kak memorial boyar Romanovykh i srodnikov ikh, postradavshikh v pravlenie czarya Borisa Godunova. Moskva, 2016. 112 s., il.